

Не прошло и трех дней, как вызывает к телефону начальник Октябрьской жел. дороги тов. Синев и говорит: Вас вызывает Нарком НКПС Н.М. Каганович. Выписывайте командировочное удостоверение и срочно выезжайте в НКПС. Далее говорит, что, видимо, куда-нибудь будут переводить. Он просил меня оставить на Октябрьской жел. дороге, но получил ответ: Никаких разговоров, выполняйте немедленно". Что ж, ехать так ехать. Оформил командировку, поехал домой, рассказал жене и сестре, а утром 29 апреля был уже в приемной Наркома НКПС.

Вечером того же дня был принят Л.М. Кагановичем. Разговор был короткий, партийный билет с собой? Покажи. Подержал, не раскрывая, возвратил обратно. Перебирая какие-то бумаги, подумал и говорит - Поедешь в Свердловский Обком партии к председателю комиссии партийного контроля тов. Яну. На мою просьбу поехать в Ленинград к жене, взять денег и белье получил ответ - никаких Ленинградов, поезжай немедленно, сегодня же. Не поедешь - потеряешь партбилет. Что ж, выполнять надо.

Пришел на Ярославский вокзал, взял в кассе плашкарту к моему годовому билету и направился в ресторан вокзала обедать. Народу полно, мест нет, очередь. Решил сходить в ресторан Ленинградского вокзала. Утолил голод, вышел на платформу поглядеть с целью встретить кого-либо из товарищей по работе или знакомых. Так никого и не встретил, а поезд №2 "Красная стрела" уже начал трогаться, вот тут у меня и возникла мысль поехать в Ленинград, ведь я нарушаю указание одного члена партии, а не всей партийной организации. Я в поезд сел уже на малом ходу. Проводник, увидев на мне форму железнодорожника со знаками различия, хотя и малого начальника, но все же начальника, пропустил меня в вагон, сказав: мест нет, пройдите в верен служебное купе, придет начальник поезда и найдет вам место.

Утром 30 апреля я был уже дома. Все рады были моему появлению, а жена моя Зина была рада видеть, т.к. г. Камышлов Свердловской обл. ее родина, находится в 145 км от г. Свердловска.

На следующий день я въехал в Свердловск не "через Москву, а через Вологду, Вятку, Пермь. Прибыл 3 мая. Явился в парткомиссию к Яну. Первый мне вопрос: Где я находился эти дни? Он ожидал 1 мая, как ему передал Каганович. Я рассказал ему всю правду. Он куда-то сходил, переговорил по телефону, видимо, не желая разговаривать при мне. Когда возвратился, сказал: идите к начальнику Пермской жел. дороги тов. Шагильянцу в его распоряжение. Ну, а там уже получил направление к тов. Табукашвили, бывшему моему начальнику отдела Окт. х.д., которого мы провожали 31 марта, т.е. месяц назад.

Когда я явился в отдел электродикации, то у нас у обойх радости не было конца. Так, 3 мая 1935 г я был зачислен старшим инженером в

Проходит дней восемь и меня вызывают секретарь парткома Управления Омской жел.дор. тов. Гаврилов. Вхожу, секретарь встает и с добродушным, улыбающимся видом поздравляет меня с тем, что протокол собрания актива электродепо, райком партии не утвердил. Зви. председатель Политотдела дороги, который проводил собрание, встает и тоже поздравляет и протягивает мой партийный билет. Я же вытерпел этой наглости и сказал:—"Ты своими грязными лапами не пачкай мой чистый партийный документ. Помести его на стол." А секретарь партбюро взял партбилет, опять раз поздравил и передал его мне. А виновник моего исключения сказал:—"А я то тут причем? Я выполнил указания Начальника Политотдела дороги тов. Перепечко и только.

НЕ прошло и трех дней, как мне опять сообщают, что меня вызывают в комиссию партийного контроля, в Смольный, в Обком партии, к тов. Чесарскому. Какая причина вызова — неизвестно, явившися — узнаешь. Я иду уходить в кабинет большая толпа выхванивших. Стою и слышу. У каждого, кто выходит спрашивают. Куда? Отвечают: Якутск, Акмолинск, Тимель и т.д. или просто отвечают " к черту на кулички", больше всего в отдаленные места. Возникает вопрос, а что это высылка или ссылка. Да это понятно, что если бы это была высылка, все бы хотели куда хотят сами, то все разъедутся по всей стране, их больше никогда и не найдешь, а это высылка на ссылку, в пункт, где уже организован надежный надзор за деятельностью каждого. Выходит здоровенный мужчина, видимо из рабочих, его спрашивают, куда? Он с первозностью махнул рукой, сказал: да не все ли равно куда, у них уже пункты намечены, выбирай! Вот вызывают и меня, я с трудом протискался через толпу, прохожу. Зачитывали несколько городов, спрашивают куда? Отвечаю, никуда не поеду. Член комиссии со звериным выражением лица грубо говорит, не поедешь повезем. Председатель комиссии вежливо продолжает читать те же города, которые уже читал, все они в пределах Урала. "Я также вежливо ему ответил. Берите куда хотите, хоть на тот свет, но туда если там имеется электрофицированные ж.д. дороги. Ведь я инженер и хочу приносить пользу для народного хозяйства. Член комиссии опять говорит: выбирай, а повезем, сам будешь не рад. Я ответил, я приговор себе выносить не хочу. Комиссия переглянулась между собой, а председатель сказал, можете быть свободным. Вхожу, спрашивают: куда? Отвечаю: никуда. куда повезут не знаю. Говорят: больно долго держали тебя, уговаривали.

Бот и все, пришел конец — отять тревога. Но я был спо. Кажется все кончилось. Куда повезут, что будет с женой в институте, ведь там

Апрель, 1935 г., Ленинград.

Внеочередное собрание партийного актива электродепо Балтийской линии октябрьской жел.дор. На собрании присутствуют 15-20 членов партии. Секретарь партбюро открывая собрание сообщает: на повестке дня один вопрос : персональное дело члена ВКП/б/ с 1926 года Фадина Петра Сысоевича и предоставляет слово зам. председателя Политотдела октябрьской жел.дор.

Для меня это было крайне неожидано, так как меня о содержании дела ранее не известили. Докладчик говорит: у вас на учете первичной организации член ВКП/б/ с 1926 г Фадин П.С., рожд. 1904г. Он на чистке партии 1933г в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина скрыл свою принадлежность к антипартийной группировке троцкистской оппозиции: 1. Фадин в 1926г читал контрреволюционную фальшивку, составленную оппозицией, якобы, как письмо В.И. Ленина к съезду партии и распространял ее содержание. 2. Фадин на партийных собраниях первичной организации "Ора" "Московско-Нарвского района голосовал против исключения из партии руководителей оппозиции Зиновьева, Каменева и др. Докладчик закончил, секретарь партбюро попросил выступить товарищей по данному вопросу. Докладчик заявил: не следует выступать, из документов все ясно. Но собрание решило заслушать мой ответ. Я сказал, что ни в каких контрреволюционных организациях и тем более троцкистской я не состоял и не примыкал. Это сплошная ложь.

1. Относительно письма В.И. Ленина к съезду о том, что тов. Сталин забрал в свои руки всю власть, слишком груб и становится нетерпим в должности Генерального секретаря ЦК и предлагает переместить его на другую должность, я лично сам не читал эту фальшивку, так как в это время лежал в жел.дор. больнице в тяжелом состоянии, без движения и мне читали товарищи из партгруппы, но у меня возникли сомнения, почему же эту фальшивку не разоблачить в печати, это способствует распространению слухов вокруг тов. Сталина. Я до сих пор не знаю подлинность письма В.И. Ленина к съезду, знаю только, что на 11У съезде РКП/б/ тов. Сталин признал свои недостатки и обещал их исправить.

2. Отвечаю на вторую ложь, о том что я голосовал против исключения из партии руководителей оппозиции Зиновьева, Каменева и других: я три раза в разное время воздержался за исключение из рядов партии: Секретаря парткома Ленинградского порта не только не знал, но даже фамилии его не слышал, что касается Зиновьева и Каменева, я зная их по печати и видя на фотографиях в газетах, считал, что их дело должно

разорваться в первичной организации, там, где они состоят на учете, а согласно уставу РКП/б/ заочно в партию не принимаются и не исключаются.

Был задан вопрос: Имел ли я какие-либо партийные взыскания? Ответ -нет. Выступления: машинист Тимофеев: знаю отца Фадина, он коммунист с 1919года, в последние дни жизни был начальником депо 3^й участка тяги Витебской линии Окт.ж.д. Сам Фадин, старший инженер Управления орлябрьской жел.дор. отдела электрификации, пользуется уважением среди рабочих электродепо.

По заданию С.М.Кирова и под его руководством занимался изысканием средств возможности постройки электро-подвижного состава средствами ленинградских заводов для электрификации ленинградского узла окт. ж.д. Р вместе с секретарем Обкома комсомола Владимировым Романом разъезжали по заводам и результаты докладывали С.М.Кирову. Трагическая смерть С.М.Кирова пр-остановила работу.

Уборщица депо, фамилию не объявила, сказала: Я горжусь, что тое. Фадин вышел из нашей рабочей среды. Я его знал с детства. Он рос на моих глазах. После смерти его родителей в 1926 г., в 19 лет он уже стал главой семьи, братом и отцом для двух братьев и сестры, сам работал и не бросил учебу. А что касается политики, то я внимательно слушала его ответ на обвинение и мне кажется, что он достоин быть в рядах нашей партии.

После этих выступлений политотделец сказал секретарю партбюро: "Завтра же поставьте на бирю вопрос о возможности пребывания этих выступивших в рядах партии.

После этого замечания среди актива возникло молчание и все переглянулись между собой. Тогда же секретарь партбюро, а сам докладчик стал голосовать. -"Кто против исключения Фадина из рядов партии? Молчат, значит никто? Знает единогласно, исключить." Обращается ко мне, давай партбилет! Я ответил, Вы для меня никто. Мы вас не выбирали. Вы партийный чиновник политотдела дороги и только. Могу передать партбилет только секретарю партбюро и только для хранения до утверждения протокола собрания актива парторганизации. На этом собрание закончилось. Члены партии возмущенные расходились, переговариваясь между собой, я же, пересматривал прошедшее, пошел домой. Весь вечер расстроенный писал жалобу в партийную комиссию ЦК РКП/б/ тов. Землячке Р.С. Она знала отца, а значит поймет меня.

Всю ночь я не спал, а со мной вместе переживала моя жена Зина Михайлорна, студентка 3-его курса Ленинградского политехнического института им. М.И.Калинина.

разбираться в первичной организации, там, где они состоят на учете, а согласно уставу РКП/б/ заочно в партию не принимаются и не исключаются.

Был задан вопрос: Имел ли я какие-либо партийные взыскания? Ответ -нет. Выступления машинист Тимофеев: знаю отца Фадина, он коммунист с 1919года, в последние дни жизни был начальником депо 3" участка тяги Витебской линии Окт.х.д. Сам Фадин, старший инженер Управления октябрьской хел.дор. отдела электрификации, пользуется уважением среди рабочих электродепо. По заданию С.М.Кирова и под его руководством занимался изысканием средств возможности постройки электро-подвижного состава средствами ленинградских заводов для электрификации ленинградского узла окт. х.д. вместе с секретарем Обкома комсомола Владимировым Романом разъезжали по заводам и результаты доложивали С.М.Кирову. Трагическая смерть С.М.Кирова пр-становила работу.

Уборщица депо, фамилию не объяснила, сказала: Я горжусь, что тов. Фадин вышел из нашей рабочей среды. Я его знаю с детства. Он рос на моих глазах. После смерти его родителей в 1925 г., в 19 лет он уже стал главой семьи, братом и отцом для двух братьев и сестры, сам работал и не бросил учебу. А что касается политики, то я внимательно слушала его ответ на обвинение и мне кажется, что он достоин быть в рядах нашей партии.

После этих выступлений политотделец сказал секретарю партбюро: "Завтра же поставьте на бюро вопрос о возможности пребывания этих выступавших в рядах партии.

После этого замечания среди актива возникло молчание и все переглянулись между собой. Тогда же секретарь партбюро, а сам докладчик стал голосовать. -"Кто против исключения Фадина из рядов партии? Молчат, значит никто? Значит единогласно, исключить." Обращается ко мне, давай партбилет! Я ответил, Вы для меня никто. Мы вас не выбирали. Вы партийный чиновник политотдела дороги и только. Могу передать партбилет только секретарю партбюро и только для хранения до утверждения протокола собрания актива парторганизации. На этом собрание закончилось. Члены партии возмущенные расходились, переговариваясь между собой, я же, пережигая прошедшее, пошел домой. Весь вечер расстроенный писал жалобу в партийную комиссию РКП/б/ тов. Землячке Р.С. Она знала отца, а значит поймет меня.

Всю ночь я не спал, а со мной вместе переживала моя жена Фадина Зина Михайловна, студентка 3-его курса Ленинградского политехнического института им. М.И.Калинина.

службы электрификации Пермской ж.д. по деловским устройствам и руководству производственной практики прибывающих студентов. А с 1 сентября по совместительству стал преподавателем и руководителем дипломных работ Свердловского техникума жел.дор. транспорта.

Был я в одной из комнат квартиры Вардена Павловича Табукашвили, очень хорошего, душевного человека и его жены Елены Сергеевны. Все хорошо. Все тревоги и первотрепки улеглись, но какая-то скованность организма и нервная напряженность осталась.

Для работы в управлении Пермской ж.д. мне отвели в кабинете зам. начальника службы Миллюкова место. Очень неприятная личность. Сам он не имеет ни какого понятия о работе по электрификации дороги, ранее работал среди заключенных в лагерях Соликамска. За работу в органах госбезопасности получил орден Ленина. С этой стороны он вынуждает как бы особое доверие, а его внешность напоминает какого-то шпика или провокатора, внешность, которую в кинофильмах изображают данного типа, маленькие квадратные усы под носом. Сидя за своим столом, только поглаживает, стараясь не потерять их форму. Куда бы я не поехал или не пошел, он обязательно навязывается ко мне в попутчики. Любая переписка или документы попадают сперва к нему на стол, а уж потом ко мне. Из разговоров по этому вопросу с начальником службы В.П.Табукашвили выясняется, что и с ним была такая история, а сейчас все это перешло ко мне. Видимо он ищет себе работу."Я уже привык и не обращаю на это внимания. Он переведен в отдел после разгрома так называемой группы троцкистской оппозиции начальник Альбаде, на место для укрепления партийного влияния переведен на его место В.П.Табукашвили с Октябрьской ж.д. Я принял все это к сведению и держусь с ним на расстоянии, а он все время навязывается со своей дружбой. Он неоднократно просил меня познакомить с профессором Свердловского индустриального института, с которым у меня завязалось знакомство по поводу получения зажиси меди на медной пластинке для изготовления купоросных выпрямителей для разных реле. Имеющиеся купоросные шайбы у выпрямителей для сигнализации и связи маломощны, а мне желательно было иметь для автоматики в схеме управления электровоза более мощные выпрямители, особенно при разработке схемы управления при рекуперации. Я заметил, что он изредка стал посещать индустриальный институт. Находясь под надзором этого типа, я вынужден прекратить все свои исследовательские работы.

В субботу, 6 июля 1936 г прихожу на работу, на столе лежит телеграмма:- "Петя, еду домой, к старикам, встречай, вагон №5, возьмешь два чемодана. Пришел на вокзал. Стоит наша машина. Колхому, спрашиваю шофер Кривошекова, кого привез? Показывает на фирменные усы. Жоку, гуляю по платформе, ишу заместителя, находу за газетным киоском, встречает брата. Прибывает поезд. Выходит жена Зина, а за ней морячок с двумя чемоданами. Стоянка поезда на станции 40 минут. Пошли вместе домой, что на ул. Вокзальная, оставили чемоданы, посидели минут десять и обратно к поезду.

Вошли в купе, а там морячок со своей женой, — и обрати едут во Владивосток на новое место службы. Вот так с разговорами и доехали до ст. Камышлов. Добрались до дома, вернее маленькой избушечки. Встреча со стариками была с неописуемой радостью. Рано утром после завтрака пошли погулять. Попалась нам на подходе к лесу старая цыганка и предлагает погадать. Я дал ей рубль и сказал, спасибо, у нас все выгадано. Все у нас хорошо. На следующий день в понедельник, во время обеда в маленьком оконечке появилась та же цыганка. В руках бутылка вина, колбаса и булка "хала". Она опять просит погадать, я ей говорю, не надо гадать. Она настойчиво просит, говоря, все правду скажу, я ей опять подаю в оконечко рубль, а она его бросает обратно со словами: "У тебя будет большая неприятность из казенного дома. Зина стала беспокоиться, да и наши старики тоже — что-то будет беспокойное. Я на это не обратил внимания, сказал, у меня уж такая работа. После обеда пошли погулять, а бабушка поставила самовар. Вышли за ворота, а у соседнего дома на скамеечке сидят подруга жены по школе с мужем. Одет очень легко, босой, и ему гадает также цыганка. Товарищ мне говорит, вот как они зарабатывают деньги и обращаясь к цыганке говорит: "Ты говоришь, что меня будут судить, да кто меня может судить? Ведь я главный прокурор Челябинской области." А она ответила "все равно будут судить, вспомнишь меня" и ушла, а мы вскоре тоже пошли к дому. Во время чаепития мы услышали крик и плач. Бабушка наша сказала, что это, видимо, мой крестник пришел домой пьяный, он всегда устраивает скандал, пойду уговарю его, он меня слушает. ЕЕ во двор не пустил какой-то человек. "Это не твое дело, иди домой." Прошло минут 15 и опять там плач и крик. Мы не можем понять, что там творится, а потом видим, ведут прокурора два человека, а прокурор в простых русских салотах, простой гимнастерке защитного цвета, а на спине вещевой мешок. Решили: значит прокурора арестовали, цыганка оказалась права, что его будут судить. Так просидели мы со старичками пенсионерами до вечера. Мне нужно возвращаться на работу, а служебный поезд уходит в 2 ночь. И я решил, чтобы дать покой своим родным, пойти на станцию в 22⁰⁰, ложь спать в вагон, отведенный для начальства. Жена моя и старички проводили до станции, вернее до вагона, и я лег спать. Проснулся я в Свердловске в 7⁰⁰, причем какой-то подавленный.

Вторник, 9 июля 1936г. Вернулся из Камышлова и сразу же приступил к работе над схемой рекуперации, которая не давала мне покоя еще в Ленинграде, но у меня возникла мысль о работе над темой дипломной работы Зины. Так ничего не сделал. Пришел домой, шестой час, какая-то скука. Решил сходить во двор, поиграть в волейбол. Как-то разыгрался. Вышел на подачу, приходит комендант общежития и говорит мне: "К Вам пришли два мужчины. Я подумал, что пришли из института студенты за консультацией, пусть подождут минут пять, а сам продолжал играть. Сиять приходит и тоже говорит, показывая на вход в общежитие. Стоят два человека в шляпах. Передал мяч товарищу и подошел, поздоровался, думая, что

2

приехали из ЧОЗ НКПС. Спросили мою фамилию и сказали, пройдемте к Вам в комнату. Пришли, один из посетителей предъявил мне ордер на право обыска. Один из них приступил к своим обязанностям, а другой попросил показать чемоданы, которые передал военный моряк. Не знаю, где они будут что-либо искать . Комната совершенно пустая находится в ней кровать с постельной принадлежностью, простой стол и стул, да в углу пустая тумбочка и все. При обыске присутствует понятая, комендант общежития. Первый агент обстукивал все стены, открыл рамы окна, вынулся из окна, посмотрел на стены, осмотрел отопительную печь, открыл дверку, осмотрел внутреннюю часть с помощью фонарика, осмотрел трубу печи через дверку. Встал перед своим товарищем и развел руками. Это значит ничего не нашел. Второй агент в это время перетряхивал все белье жене, а на дне нашел тетрадь с заданием к дипломной работе. Я был институтом утвержден руководителем дипломной работы. Тетрадь принадлежала жене, на обложке было написано: " Фадина Зина Михайловна студент дипломник Ленинградского политехнического института им. М.И.Калинина. Оба эти агента посмотрели тетрадь и хотели положить к себе в портфель. Я стал протестовать, говоря, это имущество моей жены Фадиной Зины Михайловны. На это имущество ордера на арест у вас нет. Тогда тот, кто предъявил мне ордер на обыск, вытащил из кармана другой ордер, на арест и предложил мне собираться. И пока собирался, а я стоял в одних трусах, они извинились передо мной, говоря " У нас такая служба, мы тут не при чем," и попросили коменданта привести в порядок чемоданы, а взятую тетрадь положили обратно в чемодан. Я попрощался с комендантом общежития, передал ей ключ от комнаты и попросил ее успокоить мою жену, сказав, что она приедет из Камышлова завтра. Что будет дальше, я не мог знать. Исполнители своего задания повели меня к зданию вокзала, посадили в машину и повезли по ул. Челюскинцев, мимо Управления Пермской жел. дор., через Верхне мост, по улице 8 Марта, к зданию КГБ.

Там меня сдали коменданту следственной тюрьмы КГБ, а тот водворил меня в одиночную камеру. В первое время я не мог понять, не во сне ли это все происходит. Много раз щипал себя до боли, но легче мне от этого не стало. Еще не успел как следует осмотреться, как шелкнул затвор, входит комендант, говорит: пойдем. Пришли в комендантскую, разделся, остался опять в одних трусах. Искали какие-то приметы, а из карманов все выложили на стол и начали писать опись. Отпороли все пуговицы, сняли должностные знаки с петлиц, дали расписаться в описи, а в это время привнесят обратно брюки и пиджак, только вместо пуговиц пришили тесемки и отправили обратно в камеру. Прошло немного времени приходит какой-то сотрудник, говорит: пошли, я Ваш следователь. Поднялись на второй этаж, вошли в кабинет, начался допрос.—"Ну говори, троцкист, кто этот военный моряк, который привез тебе два чемодана? Отвечай, что я его не знаю. Это пассажир, который вынес чемоданы моей жене. —"Не ври, а

кого в августе прошлого года ты встретил на станции в Свердловске, в форме капитана военно-морского флота и вы вместе выпивали в ресторане?" Это я знаю, это друг детства, комсомола, участник Гражданской войны, вместе учились в школе. Я случайно встретил. Мы не виделись с ним с 1921 после подавления Кронштадтского контрреволюционного восстания. Прошло 14 лет и мы случайно встретились. Он приехал поездом и пошел в ресторан, а я часто ходил туда обедать. Вот уже имеются две ниточки, найдем еще и можем спасти уже целое дело. Признавайся, кого ты из троцкистов знаешь здесь в Свердловске? Никого я здесь в Свердловске не знаю. Ну, а в Свердловской области? Молчу. Молчань, так заставлю говорить. Вытишил из стояла наган и стучать им по столу. Троцкистская сволочь, говори, а то прихлопну. Я ему говорю: Вероятно ты в детстве играл с деревянными пистолетами и пугал кошек, собак и проходящих мимо тебя людей. Это осталось последствие от твоего детства. Он озверел, вскочил из-за стола, подошел ко мне, толкнул в плечо и стал угрожать. Я ему сказал, стреляй, лучше быть мертвым, чем такую гадину видеть живым. И сколько он ни бесился и угрожал, я все молчал. После всего я потребовал, чтобы меня отправили обратно в камеру. Он позвонил, пришел надзиратель и взял меня, а этот тип в логонку мне сказал: спомнишь, полумай, а завтра мы продолжим разговор. Утром, после завтрака, который я не мог кушать, надзиратель опять позвал, а я сказал: не пойду. Пришел комендант, приказал мне следовать, я отказался, тогда они вытолкали из камеры и повели. На лестнице я зацепился ограждающую сетку проема лестничной клетки, меня стали бить по рукам. После этого я сказал, приведете, я все равно буду молчать. Тогда меня опять повели обратно в камеру. Я очень был расстроен.

II июля 1936 г. Всю ночь я не мог уснуть, видимо, от усталости, а скорее от раздражения нервов. Утром пришел надзиратель, а за ним сотрудник и спрашивает: Вы Фадим Петр Сисоевич? держа в руке бумажку говорит: Я Ваш следователь, моя фамилия Карре. Я посмотрел на него, а у него на груди орден Ленина. Меня это ободрило и я пошел за ним, также на второй этаж, но кабинет был другой. Разместились каждый на свое положенное место. Следователь Карре, видимо эstonец, говорит: Я, как следователь буду задавать вопросы по существу дела, а Вы будете отвечать только правду, это моя обязанность. Буду записывать ваши показания и записывать не как следователь, а как простой писарь, понятно, договорились? Я ответил, да, договорились.

Началось следствие. Ваша принадлежность к троцкистской организации? Ответил: Ни каких контрреволюционных организациях а тем более в троцкистских я не состоял и не примыкал.

Вопрос: Вы читали посмертное письмо В.И.Ленина к съезду?

Ответ: Я сам лично не читал, так как лежал в жел. дор. больнице в тяжелом состоянии, я слыхал от больных. Более подробно я услышал от нашего секретаря комсомола Кривицкого, который прочитал все письмо. Я считал, что письмо, адресованное съезду партии, никто не имеет право разглашать содержание его, до решения съезда. Письмо В.И.Ленина, распространенное среди ленинградцев, именовалось как "Завещание Ленина". Возникли различ-

ные кривотолки и искажения письма, а новое руководство в Ленинградской организации называло письмо фальшивкой оппозиции. Я молодой коммунист Ленинского призыва, февр. 1924г., член партии февраль 1926г. При двоевластии в Ленинградской партийной организации не мог добиться этого письма, мне говорили: нет такого письма, а другие тоже отвечали: читай решение съезда XIII РКБ, но письма я так и не читал.

Вопрос: Как Вы голосовали за исключение руководителей оппозиции из партии.

Ответ: Я три раза в разное время воздерживался от голосования за исключение из партии: 1 секретаря парткома Ленинградского порта Портного и руководителей Зиновьев и Каменева. Я считал, что заочно не исключают из партии. Пусть этот вопрос решается в первичной парторганизации, где они стоят на учете, тем более Портного, я первый раз слышу такую фамилию, о Зиновьеве и Каменеве читал только по газете и знал только по фотография в газетах. Так что я воздерживался при голосовании согласно уставу РКП/б. Следствие закончено, сообщает мне следователь Карра. Если у Вас претензии к ведению следствия, напишите. Чину: претензий к следствию не имею и расписываюсь. Приводят в камеру, а на полу в углу, у стены лежит человек, я подумал, что меня поселили в другую камеру, но увидел свою кружку на тумбочке, вошел смелее. Сел на табуретку и раздумываю все, что за день произошло. Мой напарник спрашивает, нет ли у меня покурить. Я отвечаю, что в камере не курят. Ночью я заметил, что моряк курит, держа в рукаве папироску. И ему заметил, что же ты уже куришь, а сам просил у меня покурить. Он поднялся и подает мне окурок, говори, на покури, это ведь "Казбек". А где ты его взял? Да у следователя стакан. Мне стало ясно, что это за тип подсунутый мне в камеру. Прошло 2-3 дня и меня опять вызывают к следователю. Карра мне говорит, пойдемте к начальнику, он хочет с Вами поговорить. Просторный кабинет, два открытых окна, свежий воздух, стоит большой письменный стол, за ним сидит начальник транспортного отдела Пермской ж. д. Войтович. Следователь Карра сел позади начальника у стены, а меня посадили в кресло. Войтович спрашивает, кого я знаю в Свердловске троцкистов. Отвечаю: никого не знаю, у них на лбу не написано. - Ну, а в Свердловской области? Отвечаю: не знаю. - Вот Вы какой человек, ведь талантливый инженер. До сих пор на станции стоит Ваш портрет, как лучший инженер дороги, а не знаете с кем Вы работаете. Я еще раз повторил: не знаю. Он уже в грубой форме мне говорит, так это значит, что Вы самый настоящий махровый троцкист. Я его спрашиваю, что это значит - махровый, самый красивый, яркий? Обратился к следователю и говорит: вот он каков. На это я ему сказал, -если бы я и знал все равно бы я не сказал. Каждый за себя должен отвечать. Войтович немного помолчал и сказал: Правильно поговорка говорит: Из змеиного яйца куришу не высишь. После этого, кажется, разговор закончился, но у Войтовича возник второй вопрос, а где Раши родственники живут: отец, мать, братья? Отца нет, умер в 1925г в июле, мать - тоже в марте 1925г, а братья и сестра в Ленинграде. Жена сейчас в Свердловске, вот и все. Дальше я заявил, что я Вам больше ни на какие вопросы

6

не отвечаю. Обращаясь к следователю Карре, он сказал: Как я устал, всю ночь в делах и нет отдыха. Я вмешался в их разговор и говорю: давайте на один день поменяемся местами, вы там в одиночной отдохнете, а я отдохну от вопросов в этом уютном кабинете. Ушли на перерыв. Уходя, оставил меня одного в кабинете. Войтович сказал, вернемся, продолжим разговор. Смотрю на стенные часы, прошло 15 минут, не возвращаются, видимо, надеясь на подем строенную мне провокацию попытки к побегу. Два открытых окна, первый этаж, под окнами небольшой сквер, маленький заборчик, а за ним плоталь, ходят люди, слышны голоса, а их все нет и нет. Наконец, входят, Войтович, а за ним и Карре. Начальник говорит: продолжим разговор. Я отвечаю: Прощу отпустить меня в камеру, я больше не могу. Он поднимает трубку и делает вызов, говорит: возьмите Фадина. Проходит минута, вторая, никто не приходит, смотрю на часы и говорю Войтовичу, что он очень плохой чекист, забывает, что я инженер электрик, да еще, как Вы сказали, талантливый, зачем же Вы вызывали, третий, при поднятой трубке. Положите трубку и делайте вызов, а потом давайте указания.

Только что он это выполнил, явился надзиратель и отправил меня в камеру. Все, кажется, закончено, ожидаю результат. Вот так мучительно тянутся день за днем. И вот однажды вызывают нас на очередную прогулку, в бетонный ящик. Погода очень хорошая, маленький прохладный ветерок, летают птички, летают и садятся на колючую проволоку ограждения. Вот мой сосед и говорит мне: загадаем, кого вперед выпустят. Если птичка сядет на левую сторону стойки, то его, а если на правую, то меня. Вот птичка села на левую сторону стойки, то его, а если на правую, то меня. Вот птичка села на левую сторону, вспорхнула и перелетела на правую. Он мне и говорит, что тебя раньше выпустят, она видимо, ошиблась, села сначала на мою сторону и сразу перелетела на правую и даже сейчас сидит. Я ему говорю, это все чепуха, а он говорит, верь мне, это так. Вот мы вернулись в свою камеру. Клетела в окно бабочка. Я хотел поймать и выпустить ее обратно в окно. Сосед мой опять говорит, не лови, на кого она сядет, того и выпустят первым, а бабочка летала, летала около его головы, а села мне на плечо. Я взял ее и выпустил за окно. Только эта процедура закончилась, как открывается дверь и надзиратель говорит: Фадин, с вещами. Какая для меня неожиданность. Привол бы меня в комендантскую. Вижу на топчане сидит маленький человек в одних трусах. Комендант мне приказывает, раздевайтесь. Раздевайся, человек этот мне говорит, домой?

Принесут мне моя жел. дор. форму. Пришиты пуговицы, на месте в петлицах должностные отличия. Все готово. Приходит какой-то гражданин в шляпе, приносит отобранные деньги и различные вещи: часы, кошелек, проездной годовой билет. Сидим и ждем. Сосед мой одевает шляпу и галстук и жалеет, что у них нет зеркала, привести себя в порядок. Говорит: моя жена Гися будет очень рада, а я его слушаю и что-то мне не верится. Комендант вызвал машину, а мой Исаак Маркович говорит коменданту, зачем нам машина, мы и сами дойдем домой. А он отвечает: такой порядок. Мы вас сюда привезли и обязаны отсюда вывезти. Исаак добавляет: это верно, у ворот много женщин ищут своих мужей, будут распрашивывать. Подает сигнал машина и нас просят пройти в легковую машину. Садимся на заднее место, а к шоферу гражданин

с двумя бумажками с фотографиями. Посмотрел на нас и на бумажки, сел на свое место и мы поехали. Только мы отъехали от ворот, а Исаак и говорит шоферу: останови, я здесь недалеко живу. Он только посмотрел на него, улыбнулся и сказал, привезу на место, не беспокойся. Подъезжаем мы к вокзалу, облезаем сквер, поехали по вокзальной улице, по ул. Челюскинцев, мимо управления Пермской жел. дор. Смотрю на сквер, а на скамейке сидит моя жена, читает книжку. Я не вытерпел и закричал: Зина!, а она как только услышала, бросила книжку и к машине, а шофер дал полный ход, поднял на дороге пыль, и моя Зина потерялась в этой пыли, и так уехали дальше. Остановились у областной больницы у крайнего подъезда. Пассажир, сидящий с шофером, ушел в это здание. Мы ждем его возвращения. Исаак мне сказал, что нас будут обследовать, нет ли у нас каких повреждений. Выходит человек, сопровождающий нас, сел в машину на свое место, и только отъехали метров 50, как перед нами открылись ворота, и мы въехали во двор. А на дворе полууголая бледная женщина бесилась, во что-то играя. Это была следственная областная тюрьма, следственный корпус. Началась передача нас, обработка нас: рост, вес, фотографировали в двух видах, отпечатки пальцев, спрашивают особые приметы, скрытые от глаз приемщиц. Исаак отвечает, обрезанный, тут общий смех. Его уводят. Моя очередь процедура также, но меня уводят на второй этаж, камера № 22. Вхому: чисто, коечки с постельными принадлежностями. Знакомимся. Все политические, ждут решения Особого совещания НКВД.